

С тех пор прошло восемь дней.

«Ни черта не понимаю!» – бормотал, наморщив лоб, Йехинатал.

Всю жизнь он гордился тем, что среди коллег по цеху в изучении некромантии сумел продвинуться дальше всех. Но как бы ни вертел Йехинатал курильницу в своих руках, проникнуть в её тайны у него не получалось.

Обложившись древними фолиантами, он час за часом сравнивал рельефные узоры, выгравированные на курильнице, с магическими рисунками в книгах, но так и не отыскал ни малейшего соответствия.

Он пытался вливать в курильницу ману Тьмы, но ничего в ней не шевельнулось; пробовал поливать кровью всевозможных животных и даже людей, но тоже без особого толка. В этот раз он попытался воспользоваться материалами, добытыми во время последних раскопок, но, как и прежде, результат был нулевым.

Шли восьмые сутки. Йехинатал продолжал ухаживать за Широном, страдавшим от сильнейшей лихорадки, и в то же время пытался продвинуться в изучении Бастиона Душ. Изначально он надеялся, что к тому времени, как ученик придёт в себя, он сможет похвастаться перед ним своими открытиями.

Однако не только похвалиться было нечем – наоборот, Йехинатал страдал от сильнейшего унижения, и потому с каждой минутой внутри него нарастала злость.

«Этот щенок... А вдруг он стащил не тот предмет, вдруг это обычный бронзовый горшок?.. Хм! Да, вероятнее всего, так и есть. Иначе такой великий учёный, как некромант Йехинатал, уже непременно что-нибудь бы да и обнаружил!»

Чем больше он над всем этим думал, тем глубже прорастали ростки сомнений в его душе.

И вдруг, скосив глаза на Широно мирно сопящего на кровати, что стояла рядом с его рабочим столом, заваленным книгами, Йехинатал дал выход своему гневу: «Идиот, тупица! Так ты специально припёр это дерьмо, прижимая к себе, словно какую-то драгоценность, чтобы потом посмеяться над своим учителем? Тупоголовый осёл!»

Внезапно осознав, что орёт во весь голос, Йехинатал замолчал, испуганно прикрыв рукой рот. В этот миг Широно, спавший глубоким сном, вздрогнул от его крика и подскочил на постели.

Йехинатал смутился и пробормотал: «О, т-так ты уже проснулся? Как давно ты не спишь? Не бери в голову то, что я только что сказал!»

Когда Широно вновь опустился на кровать, смущённый Йехинатал облегчённо вздохнул.

Но затем гнев опять пробудился в его душе.

«А чего я, собственно, извиняюсь? Разве не сам щенок виноват в том, что ошибся и притащил какой-то никчёмный горшок?»

Впервые с того момента, как он увидел бронзовую курильницу в руках Широно, Йехинатала разбирали сомнения.

Бастион Душ... Да уж, и впрямь сомнительно, что столь громкое название присвоили бы какой-

то неказистой курильнице... Совсем она не похожа на вместилище потерянных душ, из которых формируют защитные бастионы!

«Нет, ну что за баран! Поставил жизнь на кон, а притащил какую-то дрянь! И как ты собрался её использовать, а? В качестве ночного светильника? Тьфу!» – заревел Йехинатал ещё громче прежнего.

Очнулся Широн лишь спустя сутки, и, конечно же, первым, что он услышал, было брзжание Йехинатала.

Широн не мог не возразить: «Как такое возможно? Я же сам ясно видел, учитель, как прах, который вы мне вручили, вступил в реакцию с курильницей!»

Он поднялся с постели и наклонил голову, рассматривая артефакт.

«Реакция? Какая ещё, в задницу её, реакция! Ты же благословлён Судьбой, как ты мог так опростоволоситься? Убери её, видеть больше не желаю эту хрень. Можешь в ломбард отнести, если хочешь!» – пробухтел Йехинатал, раздувая щёки.

Широн горько усмехнулся. Учитель выглядел всерьёз расстроенным. Раз он так уверен, значит, вероятнее всего, он и в самом деле ошибся.

Парень вздохнул и погладил одиноко стоящую на столе курильницу. Похоже, напрасно рисковал он жизнью, проникая в Горную цитадель...

И тут произошло нечто странное.

Ту-думм!

Бронзовая курильница совершенно явно отозвалась на его прикосновение, и Широн потрясённо отдернул руку. Да, это был именно отклик!

Справившись с шоком он вновь осторожно приложил к ней ладонь.

«Ту-дум! Ту-дум!» – заколотилось его сердце. И тут он почувствовал, как через его руку неудержимой лавиной хлынула чья-то сильная воля.

Ту-дум! Ту-дум! Тудум!

Пульс всё нарастал, дыхание стало учащённым. Внезапно потолок закружился перед глазами, и всё потемнело.

Ту-дум! Ту-дум! Ту-дум! Ту-дум!

Потолок, стены, каменный пол – всё в пещере растворялось, исчезало в бездне мрака, и, в конце концов, Широн завис в крошечной тьме.

Исчез учитель, исчезло всё.

Лишь он один в этом омуте бесконечной черноты.

Шууу!

И вдруг где-то в глубине этой крошечной, без единого светлого пятнышка, Тьмы возникла

неведомая волна, закружилась вокруг водоворотом... и радиус этой воронки постепенно уменьшался, стягиваясь всё ближе и ближе.

Бежать некуда!

Шууу! Шууу!

Тело отказывалось повиноваться. Нечто приближалось к нему словно цунами, от которого не скрыться. Не было сил даже закричать.

И вот бешено вращающийся поток подступил к его лицу.

Теперь он мог его разглядеть. Сперва он думал, что это вода. Или скопление звёзд, Млечный путь!

Но нет, бурный поток был всего-навсего гигантским скоплением белёсых сгустков.

Шшш...

Сгустки эти были ни чем иным, как мечущимися туда-сюда неупокоенными душами. Проклятыми душами с чёрными провалами вместо глаз и рта. Злобными, повергающими в дрожь призраками!

Тысячи, десятки тысяч... Нет, сотни миллионов! А может и столько же, сколько звёзд на небе! И все эти призраки формировали огромный водоворот, стремительно сжимавшийся вокруг него.

Шууу!

«Аааааа!» – попытался закричать он, но не смог издать ни звука. Внутри тела хлынули сонмы неупокоенных душ, наполняя каждую клеточку болью и страданием, а он не мог даже кричать.

Шух! Шух! Шух!

Поток призраков врвался в него подобно стае муравьёв. Через рот, уши, глаза и ноздри они проникали в черепную коробку и устраивались в его голове. Разрывая кожу, пробирались в сердце, лёгкие, печень, желудок... и даже через не слишком подходящие для этого отверстия – в средствах они не стеснялись.

И в аду сложно представить подобный кошмар. Ему хотелось умереть, отдать тело на растерзание призрачному потоку и, став такой же неупокоенной душой, бродить по миру вместе с ними. Всё что угодно, лишь бы не чувствовать этой жуткой боли от проникавших в тело призраков!

Тело дрожало, словно осиновый лист на ветру, его уже до отказа заполнили призраки, однако череда неупокоенных душ, ожидавших своей очереди на вторжение всё ещё была настолько длинной, что, казалось, ей не будет конца.

Вот тело ужасно распухло и чудилось, будто вот-вот взорвётся, но души всё продолжали прибывать. И каждая несла на себе отпечаток проклятия и остатки грязных чувств и желаний прежних обладателей, таких так обида, гнев и похоть!

Внутри Широ́на они соединялись друг с другом, переплетались с тканями: с мозгом, глазными яблоками, сердцем, с желудком и кишечником... вживлялись в каждое сочленение костей, в

каждую ниточку мышц, в каждую клетку, до последнего капилляра и нервного окончания, до кончика каждого волоска... Казалось, эти липкие сгустки проникли даже в кровяные тела, бегущие по кровеносным сосудам, и запачкали их.

«Дёрг! Дёрг!» – Тело двигалось против воли Широ́на, повинуюсь злобным прихотям, диктуемым извне.

Он не помнил, сколько времени это продолжалось. Ему казалось, что целую вечность. Возможно, из-за острой боли, но Широ́ну чудилось, будто пытка продолжается, по меньшей мере, миллиард лет.

И только по прошествии этого времени призраки исчезли. То есть, нет, не исчезли, конечно, а слились с его телом.

Бесчисленные призраки, которых, казалось, было столько же, сколько звёзд на небе, теперь все были внутри него. Один за другим они стали частью его кожи и мышц, внутренних органов и клеток.

«Аааа!» – закричал он, наконец, дрожа всем телом.

И вдруг до его ушей донёсся обеспокоенный голос Йехинатала: «Что с тобой, Широ́н? Почему ты так трясе́шься, а? Опять жар поднялся?»

Широ́н пришёл в себя, огляделся по сторонам и снова увидел перед собой каменную пещеру. Огромные стопки книг, стол, кровать – всё стояло на старых местах. В руках он по-прежнему сжимал потускневшую бронзовую курильницу.

Что всё это значит?

«С-сколько прошло... времени, с тех пор, как я взял в руки Бастион Душ?»

От вопроса обильно истекавшего потом Широ́на Йехинатал вновь разъярился: «Опять ты про свой Бастион Душ, будь он проклят! С тех пор, как ты взял в руки эту бронзовую, похожую на ночной горшок, курильницу, не прошло и двух секунд, понял? Слово даю, следующий, кто упомянет при мне Бастион Душ – покойник!»

«Секунд? Не дней? Даже не часов?!»

«Что с тобой, всё ещё не проснулся? Или задремал, взяв курильницу в руки?»

Неужели его и, правда, сморило и весь тот ужас – лишь плод воспалённого сознания?

Однако произошедшее было слишком ярким, чтобы оказаться сном, и слишком ужасным, чтобы захотелось испытать его снова. Но, с другой стороны, так же не было ничего, что доказывало бы, что это не сон. Никаких изменений не чувствовалось. Он ущипнул себя за щёку, но почувствовал вполне обычную боль.

Видя, как расстроено опустил плечи Широ́н, Йехинатал попытался его утешить: «Ты всё ещё неважно выглядишь, но как только пойдёшь на поправку, мы продолжим обучение. Хотя этот клятый Бастион Душ и сбил нас с толку, и я до сих пор взрываюсь от гнева при его упоминании, однако великие дела, по большей части, вершатся вовсе не по воле счастливого случая, а в результате долгого и кропотливого труда. Если продолжишь свои тренировки, то, в конечном итоге, отыщешь способ сражаться с рыцарями и без помощи каких-то там

артефактов. Сам погляди – в этот раз ты уже вполне неплохо справлялся с ассасинами, хе-хе...»

Однако, похоже, что его слова у Широ́на энтузиазма не вызвали.

Сидя на краешке кровати, Аль Мухад пытался съесть принесённый служанкой ужин, однако, припомнив недавние события, вдруг со злостью запустил подносом с пищей прямо в стену!

ГРОАХ!

Но лучше от этого ему не стало. От нахлынувшего гнева дрожали руки, а на лбу выступили вены.

Едва он взорвался от ярости, как его служанка, дрожа и не помня себя от страха, тяжело рухнула на пол. Если в такую минуту попасться хозяину на глаза, смерть точно будет не из лёгких. Хозяин всегда пугал её до чёртиков, а в последнее время просто с цепи сорвался.

Когда Аль Мухад, сжав трясущиеся кулаки, уставился налитыми кровью глазами на её распластавшееся на полу тело, она побелела от ужаса.

«Цап!» – Грубо схватив служанку за запястье, он потащил её к кровати.

После мятежа против Аль Джаиса он держал в объятьях многих наложниц старшего брата, но никогда не прикасался к служанкам. До этого восстания он вообще держался в стороне от женщин. За годы службы он слишком приучил себя к воздержанию, чтобы теперь изменить привычкам и впасть в пучины разврата.

«Треск!» – Грубо разорвав юбку служанки, Аль Мухад обеими руками схватил её за ворот.

«Трак!» – Пуговицы на блузке беспомощно разлетелись по сторонам, обнажив белоснежную грудь. Хотя она всего лишь рабыня из низшего сословия, кожа её была белой и бархатистой из-за того, что ей приходилось ухаживать лишь за такими высокопоставленными особами, как Аль Мухад. Поскольку она была молода, и ей не приходилось трудиться под палящим солнцем, кожа под одеждой отливала белизной, а светлые волосы были мягкие и приятные на ощупь, словно у ребёнка.

Однако Аль Мухад был чересчур груб. Искуса́в грудь, он положил руку меж её ног и принялся бесстрастно двигать ладонью.

Охваченная болью и страхом, служанка стиснула зубы, всеми силами стараясь не зарыдать. Она боялась даже шевельнуться, поскольку чувствовала, что если вызовет неудовольствие хозяина, тот свернёт ей шею. Служанка силилась сдержать слёзы и всхлипы, которые против воли стремились вырваться наружу.

«Д-да!» – издал стон Аль Мухад, а затем, тяжело дыша, вдруг перевернул её тело. Одним движением сорвав остатки юбки, он схватил служанку за талию и резко прижался к её ягодицам.

«Да! Д-да!» – дышать становилось всё трудней.

Казалось, что сердце вот-вот разорвётся. На лбу выступили вены, во рту пересохло...

«Проклятье! Это ад, ад, АД!!!»

«Хрясь!» – Тяжёлым, будто валун, кулаком Аль Мухад вмазал по затылку лежавшей на кровати

ничком женщины.

Череп служанки раскололся, и во все стороны брызнула кровь, запачкав простыни. Несчастная умерла, не успев даже пискнуть.

Весь залитый кровью, Аль Мухад был похож на демона, только что выбравшегося из преисподней.

«Это ад! Быть такого не может!» – безумно бормотал Аль Мухад, голосом, близким к истерике.

«Этого просто не может быть!!!» – Его громогласный рёв разносился по всему дворцу.

У Аль Мухада не было эрекции. Набросившись на служанку, он перепробовал всё, что только помнил, но его мужское достоинство даже не шелохнулось.

Просто кошмар!

Когда яд Широ́на поразил его спину, то опалил множество нервных окончаний, они оплавившись, пожраны́е бактериями. По словам придворного врача, даже если попытаться соединить нервы хирургическим путём, от этого не будет никакого проку, поскольку сами окончания оплавлены. Так же он добавил, что пучок нервов, ведущий к репродуктивной системе, пострадал сильнее всего.

Надо ли говорить, что после этих слов светило медицины стало первым, кто погиб от руки разъярённого Аль Мухада?

Это мой гарем! Гарем, стоящий на самой вершине горы!

И я его монарх. Монарх, который, словно солнце, сияет над гаремом!

Все женщины, проживающие здесь – мои наложницы. Даже любимая принцесса Иси́рис отдалась мне в обмен на власть.

Однако... у меня не стоит? Владыка гарема больше не мужик! Проклятье! Это какой-то АД!

«Аааа! Широ́н! Проклятый щенок!!!» – выплеснул Аль Мухад в бессильном крике переполнявший его гнев, – «Гарем, это мой гарем!»

<http://tl.rulate.ru/book/104928/3679872>